

Это ощущение длилось лишь мгновение и было тут же подавлено.

Он подошёл к воротам и, увидев, что Янь Цин пытается опереться руками о землю, чтобы подняться, машинально протянул ему руку:

— На земле грязно.

Тот, видимо, ещё не до конца проснулся: тупо посмотрел на протянутую ладонь, а потом расцвёл улыбкой:

— Спасибо.

Ладонь чуть меньшего размера легла в его — мягко ухватила за основание большого пальца. Тепло передалось из руки в руку, кожа встретилась с кожей: маленькая ладонь оказалась даже теплее.

Гэн Ихуай без усилий поднял его на ноги и напрямик спросил:

— Долго ждал?

Так, что даже уснул, привалившись к воротам.

Янь Цин встал, отряхнулся от возможной пыли и кивнул:

— Да. Я увидел, что дома никого, три раза позвонил вам, но вы не брали трубку. Подумал, что вы, наверное, заняты и не видите звонков, а когда вы вернётесь — я не знал. Ну и остался ждать здесь.

Три звонка.

Гэн Ихуай, кажется, теперь знал, чей номер он сбрасывал во время работы.

Умолчав об этом, он вытащил из кармана бесконтактный ключ и открыл ворота:

— По какому делу?

Янь Цин повесил голову:

— Я вчера забыл у вас пальто...

Водитель как раз отвозил его домой, всю дорогу он просидел в тёплой машине и, оставшись без пальто, даже не почувствовал холода — вот и забыл о нём.

Как бы ни был нужен блокнот, тайком лезть в чужой дом за вещами он не мог, поэтому пришлось ждать. Вокруг особняка Гэн Ихуая была ухоженная растительность, даже зимой источающая тонкий аромат травы и листвы. Янь Цин незаметно для себя задремал.

Вспомнив ещё что-то, он неловко почесал в затылке:

— Я не передумал насчёт «ответственности» или чего-то такого...

В ответ уголки губ мужчины слегка приподнялись, и он тихо усмехнулся.

— Я понял, — сказал Гэн Ихуай.

Янь Цин шёл следом по дорожке через сад, глядя на прямую спину идущего впереди мужчины, и вдруг вспомнил, как накануне вечером тот сидел напротив него и совершенно серьёзно говорил об ответственности. У Янь Цина не было опыта отношений — и до Гэн Ихуая он ни с кем не был близок. Он чувствовал, что к этому «первому мужчине» у него — какое-то особенное отношение.

— Прощу, — Гэн Ихуай отворил дверь и посторонился, пропуская его.

Янь Цин был рассеян и не успел затормозить — влетел прямо Гэн Ихуаю в объятия.

— Ой! — Он ткнулся тому в грудь и на миг вроде бы услышал биение сердца. Мужчина не шелохнулся, только рука обвила его талию.

Только благодаря этому Янь Цин удержался на ногах.

Дыхание у него участилось. Опустив голову, он торопливо забормотал:

— Простите, я не заметил...

И сделал шаг назад.

Но рука Гэн Ихуая не разжалась — плотно обвивала его талию, удерживая на месте. Он ощущал горячее дыхание совсем близко.

— Господин Гэн?.. — Янь Цин чуть поднял глаза.

Гэн Ихуай, казалось, на мгновение задумался о чём-то своём. Услышав своё имя, он отпустил его:

— Прости.

И, не оглядываясь, прошёл в гостиную.

Янь Цин застыл. Ему показалось, что Гэн Ихуай обнимал его, забыв разжать руки. А потом решил, что это его собственные фантазии — господин Гэн ведь ясно сказал: не мешать его жизни.

А он сегодня опять помешал.

Гэн Ихуай уже стоял у окна и доставал из кармана пиджака электронную сигарету. Пар размыл его лицо, но тут же был развеян ветром.

Янь Цин поспешно вошёл и сразу заметил на диване своё пальто:

— Вот оно! Спасибо! — Вчера нервничал он до дрожи, а сегодня, после хороших новостей, расслабился, и взгляд его невольно скользнул по просторной гостиной.

Сначала он увидел на диване несколько милых подушечек — совершенно не в стиле господина Гэна.

Потом — чёрный концертный рояль.

Солнечные лучи заходящего солнца ложились на глянцевый лак. Крышка была открыта, чёрно-белые клавиши сверкали чистотой, ни пылинки, — сразу видно, инструментом пользуются часто. На банкетке лежало худи — совсем молодёжного вида.

Он чуть склонил голову набок и улыбнулся:

— Господин Гэн тоже играет на рояле?

Может быть, поэтому вчера пошёл на концерт?

Однако рука Гэн Ихуая с сигаретой замерла. Он ровно ответил:

— Не я.

— А?

— У меня живёт ещё один человек. Он играет.

Ещё один человек?

Услышав это, маленький цветочный ёкай снова покосился на дорогой рояль. Его улыбка сама собой погасла. Держа пальто, он произнёс уже без прежней лёгкости:

— А, тогда я пойду.

Опасаясь, что Гэн Ихуай снова предложит его подвезти, он подхватил пальто и быстро направился к выходу. На пороге прозвучал его чистый голос:

— До свидания, господин Гэн.

И он исчез из дома Гэн Ихуая.

На этот раз Гэн Ихуай удерживать его не стал. Он стоял у окна, докурив электронную сигарету, глядя, как медленно рассеивается пар, и слегка прищурился. Далеко впереди, на пустой широкой дороге, он видел, как удаляется силуэт маленького ёкая.

Когда Янь Цин влетел к нему в объятия, перед его глазами невольно возникла картина той ночи — юноша с алым лицом кидается ему на грудь. И на миг он едва не потерял контроль: чуть было не притянул его к себе, чтобы вжать в грудь ещё крепче.

Наверное, слишком долго был один.

Он должен был оставаться холодным и невозмутимым.

Гэн Ихуай не любил таких внезапных всплесков чувств. Раздражённый, он сжал пальцы — и электронная сигарета в его руке в мгновение ока рассыпалась в прах, унесённый ветром, как только что дым.

Стекло в окне тоже дрогнуло — и рассыпалось мелким порошком. Ветер ворвался внутрь, слегка шевельнув его коротко стриженные тёмные волосы.

— Э-ге, кто это тебя так разозлил? Прихожу — а ты уже в ярости, — от двери раздался голос. В комнату вошёл мужчина в неформальной одежде: длинные волосы цвета туши, собранные на затылке, чуть удлинённые кончики бровей, высокая переносица, чёрная оправа очков, из-под которой лишь угадывался разрез узких глаз, — весь его облик дышал артистизмом.

Если бы Янь Цин ещё был здесь, он бы узнал в мужчине звезду вчерашнего концерта — молодого пианиста Тао Нина.

Тао Нин слегка улыбался. За его спиной шёл помощник Гэн Ихуай — Ли Мушань.

Гэн Ихуай у окна не ответил.

Ли Мушань поздоровался:

— Господин, — и добросовестно понёс папку с документами в кабинет.

Тао Нин плюхнулся на диван, лениво зевнул, взял пульт, включил телевизор и заворчал:

— Каждый раз, когда у ёкаев собрание, ты не приходишь. Я один вынужден работать за двоих.

— Я попросил Мушаня тебе помочь.

— Кое-что он всё равно не может, — руки у Тао Нина не знали покоя. Пощёлкав каналами, он схватил с дивана подушку и принялся её мять. — Впрочем, тебе повезло, что сегодня ты не пришёл. Знаешь, о чём говорили? Опять хотят найти тебе пару... Подобрали ещё одного маленького ёкая, не в курсе всего этого, спрашивают, когда ты сможешь его увидеть.

Гэн Ихуай ответил не задумываясь:

— Не встречусь.

В прошлый раз, когда старейшины ёкаев настояли на смотринах, он тоже не явился.

Ли Мушань, разложив документы, как раз вышел из кабинета и, услышав слова Тао Нина, поддержал:

— Я тоже считаю, что господину лучше не встречаться. Тот, кого приводили в прошлый раз, — с виду тихий и послушный, а на деле сцепился с каким-то посторонним человеком прямо в туалете. Кто знает, кого там старейшины сосватают в этот раз?

Сразу видно: помощник крайне недоволен той кандидатурой на смотринах.

Впрочем, и Гэн Ихуай не жаловал ёкаев, которые ведут беспорядочную личную жизнь и при этом ходят на смотрины.

Тао Нин зыркнул на Ли Мушаня и запустил в него подушкой:

— Ты чего его подстрекаешь не идти? Прошлый был плохой — не значит, что этот тоже плохой. Если он не пойдёт, меня каждый раз на собраниях будут за него грызть до смерти. Ты же знаешь, какая у твоего господина кровь. Эти старые прощелыги мечтают, чтобы он каждый день женился на ком-нибудь новом, ночи напролёт кутил и наплодил бесчисленных потомков, чтобы продолжить его род. Ладно уж, не надо гарема и «двое детей за три года», но, президент Гэн, — Тао Нин поднял палец и показал единицу, — одного-то можно? Один. Родишь одного, старейшины будут носиться с ним, как с наследным принцем, а мы наконец обретём покой.

Гэн Ихуай на него покосился.

Взгляд был предупреждающим — тёмно-синие глаза сверкнули инеем, в них читалось явное недовольство.

Тао Нин мгновенно стух — но стух с артистической грацией: откинулся на диван, задрал голову к другому окну на 45 градусов и сделал вид, что ничего только что не говорил, а сейчас глубокомысленно размышляет о смысле жизни.

Гэн Ихуай давно привык к его выкрутасам. Развернулся и в несколько шагов ушёл в кабинет, неспешно прикрыв дверь и отгородившись от внешнего мира.

Тао Нин, чьи попытки «женить» провалились в очередной раз, молча закатил глаза в сторону закрытой двери и произнёс:

— Лао Ли, я есть хочу. Свари мне чего-нибудь.

Ли Мушань беспомощно вздохнул:

— Как вы опять проголодались?

— Я всегда голодный.

...

У Янь Цина было какое-то смутное, тягостное чувство.

Он думал о том большом особняке, о подушечках на диване — явно не для Гэн Ихуая, о занимающем лучшее место в гостиной концертном рояле...

Господин Гэн сказал ему только: не мешайте моей жизни.

Возможно, господин Гэн не хочет, чтобы мешал именно он, но это не значит, что тот не хочет, чтобы ему мешал кто-либо ещё.

Осознав это, Янь Цин погасил и те слабые ростки мыслей, что было проклюнулось в его сознании. В сезон опыления действительно лучше иметь кого-то для разрядки, а ещё лучше — постоянного партнёра, и Гэн Ихуай с любой точки зрения был отличным выбором. Только вот тот, очевидно, не был в этом заинтересован — держался сдержанно, дистанцировался и был подчёркнуто вежлив.

К тому же у господина Гэна дома жил кто-то ещё.

Не в силах отделаться от этого странного чувства, Янь Цин первым делом поднялся на крышу, где ухаживал за уже приобретавшими лёгкую духовную ауру растениями. В этом доме не было кондиционеров, на верхние этажи никто не хотел селиться, и только Янь Цин, соблазнившись дешёвизной и наличием крыши, снял здесь квартиру вместе с бережливым соседом.

— ...Наверное, у меня просто мало опыта в любви, — он полил маленькое деревце сливы в углу и, поглаживая его ствол, заговорил с ещё не пробудившимся сливовым духом: — С господином Гэном — это была случайность. Может, мне снова попробовать смотрины? Можно даже не с ёкаем. Пусть у людей всё недолговечно, но нельзя же вообще не пробовать...

Иначе стоит встретить кого-то вроде господина Гэна — сразу начинаешь фантазировать. Так не годится.

Вообще, в университете Янь Цину доставалось немало людских ухаживаний. Только те люди слишком уж пристально пялились на его лицо, и это его смущало.

Тогда он всеми правдами и неправдами выпросил у старейшин ёкаев те золотые очки. Очки были заряжены демонической силой: когда он их надевал, никто не обращал внимания на его внешность, и с проблемой было покончено.

— Маленький А-Хуа! — вдруг сзади раздался звонкий девичий голос. Так его называли, ещё когда он не принимал человеческий облик.

Янь Цин обернулся. С кровли соседнего домика на крышу перескочил белоснежный меховой комочек и врезался ему в грудь.

Он не увернулся — уверенно поймал его. Белые лапки-подушечки уперлись ему в плечо, и он улыбнулся:

— А-Цзю?

Это была девятихвостая лиса — хотя такое название не совсем подходило. По бокам мордочки

у неё торчали длинные белые усы, ушки на голове были округло-загнутыми, как у снежно-белой кошки. Но за её спиной покачивались девять хвостов, каждый с тонким белоснежным кончиком — очевидно, лисьи.

Оба они обрели сознание в старом, теперь уже обветшавшем театре. По людским меркам — друзья детства. Из-за того, что в маленькой лисичке текла ещё и кошачья кровь и потому у неё было целых девять хвостов, ещё до того, как у неё появилось имя, Янь Цин звал её «А-Цзю» (Девятая), а она в ответ звала его «Маленький А-Хуа» (Цветочек).

— Как твой сезон опыления? — спросила А-Цзю.

Рука Янь Цина, обнимавшая её, невольно замерла. Он вспомнил лицо господина Гэна — и впервые солгал:

— Ещё не начался.

— Если что-нибудь понадобится — сразу говори мне!

Ему не хотелось грузить А-Цзю, у которой каждый день был расписан по минутам, но он вежливо согласился:

— Хорошо. Кстати, как ты вдруг тут оказалась? — Янь Цин ласково погладил её по спинке. — Ты же говорила, что уезжаешь на долгие съёмки в другой город?

Услышав, что сезон ещё не начался, А-Цзю выдохнула с облегчением. Уткнулась мягкой головкой в его ключицу.

— Прилетела на промежуточную запись, — голосок девятихвостой лисы-кошки был по-детски мягким. — Заехала тебя проведать.

Она пошевелилась, ласково потёрлась о его шею, чуть подняла мордочку. Маленький розовый язычок медленно высунулся, ей отчаянно хотелось лизнуть эти нежные, тёплые губы юноши.

Нет, маленького А-Хуа это напугает.

А-Цзю с сожалением отогнала от себя эту мысль и спрыгнула с его рук:

— Мне пора, я тороплюсь.

— Беги.

А-Цзю снова прыгнула на крышу и на прощание бросила:

— Если с сезоном опыления что-нибудь — обязательно скажи мне!

И — под углом, недоступным человеческому взгляду — стремительно рванула вниз.

Белый пушистый комок совсем не боялся зимнего колючего ветра. За несколько прыжков он оказался у переулка, где стоял припаркованный седан. Не открывая дверцы, просочился прямо в салон.

В следующий миг на водительском сиденье сидела женщина с изысканным макияжем. В уголках её глаз и бровей играло очарование, ярко-алая помада делала лицо чувственным, но не вульгарным, а светло-каштановые волнистые волосы падали на обнажённые плечи с чётко очерченными ключицами. Не имело ничего общего с только что мурлыкавшим на груди Янь Цина белым комочком.

Она подняла трубку, надрывавшуюся уже неведомо какой раз. Не успела и слова сказать, как из динамика прорвался отчаянный рёв её менеджера:

— Ху Жаньжань!!! Ты где?!! Вся съёмочная группа тебя ждёт! Оператор с камерой на плече уже засыпает!!!

Ху Жаньжань — по прозвищу А-Цзю — тихо усмехнулась, приподняла бровь и невозмутимо ответила:

— Еду.

...

На крыше обветшавшего жилого дома Янь Цин разрыхлил землю, полил растения — и, успокоившись, вернулся в комнату, взял блокнот и принялся приводить свои задумки в порядок, начисто выкинув Гэн Ихуая из головы.

Пусть Чжун Фэнхэ и даёт ему всего пять минут — эти пять минут он выложит на все сто.

Жизнь господина Гэна слишком далека от него. Он всего лишь маленький сценарист, у которого нет средств на пропитание и вот-вот нечем будет платить за жильё.

Сценарии его никто даже читать не хочет.

Солнце село, вышла луна. Янь Цин, склонившись под настольной лампой, писал строку за

строкой. Иногда перо замирало, взгляд уплывал в пустоту, а он углублялся в раздумья. Незаметно ночь прошла без сна — и на рассвете он встретил новый день с открытыми глазами.

Ещё не было и десяти, а Янь Цин уже дежурил у двери кабинета Чжун Фэнхэ.

Ровно в назначенное время, секунда в секунду, он постучал:

— Шеф?

— Заходи.

Янь Цин толкнул дверь. Чжун Фэнхэ сидел за столом, потирая виски, с крайне подавленным видом.

— Пять минут, — сказал Чжун Фэнхэ. Пожилой директор, столкнувшийся с угрозой роспуска студии, явно не собирался тратить лишнего взгляда на Янь Цина. Он лишь мельком поднял голову, тут же снова опустил её и погрузился в свои мысли — эти пять минут его не волновали.

Янь Цин глубоко вдохнул и без лишних слов протянул блокнот прямо ему:

— Могли бы вы взглянуть? Основа моего замысла — переосмысление восточной мифологической системы. Акцент — на людях, ёкаях и драконах...

Он говорил, украдкой отслеживая реакцию Чжун Фэнхэ.

Блокнот раскрылся. На страницах — изящный, стройный почерк, кое-где — простые схематичные рисунки, ясно передающие смысл сеттинга.

Чжун Фэнхэ перевернул первую страницу — и невольно листнул следующую, потом ещё, ещё.

В глазах юноши будто плескался звёздный свет. Брови слегка приподнялись, голос звучал чисто и ясно, лился, как журчащий родник.

Куда-то мгновенно улетучились и его прежняя скованность, и напряжение.

Чтобы внятно рассказать о целом мире — пусть даже только о сеттинге и общем сюжете — пяти минут категорически мало. Янь Цин следил за секундной стрелкой и говорил лишь о самом главном, но пять минут пролетели в мгновение ока.

Самое важное он изложил. И вдруг снова разволновался — Чжун Фэнхэ всё листал и листал блокнот, не произнося ни слова. Он почувствовал, как его розовые шипы снова затрепетали от

напряжения. Кончики пальцев побледнели, ногти впились в ладони, кулаки сжались.

— Шеф... — пять минут вышли.

Чжун Фэнхэ не услышал продолжения. Поднял голову, посмотрел на него, брови сошлись — казалось, ещё более раздражённый.

Сердце у Янь Цина ухнуло вниз, но тут послышался недовольный голос Чжун Фэнхэ:

— Ты чего замолчал? Продолжай.

<http://bllate.org/book/21883/2278576>